

ВЕРОЯТНОСТНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

М. Е. Коровкина

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет)

PROBABILISTIC FORECASTING AS A SENSE INTERPRETATION TOOL IN SIMULTANEOUS INTERPRETING

M. Ye. Korovkina

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Аннотация: предмет данного исследования – особенности использования когнитивных механизмов и дискурсивных стратегий при интерпретации и репрезентации переводчиком смысла в устном переводе. Кроме обсуждения новых терминов, характеризующих процесс интерпретации смысла в рамках когнитивно-коммуникативной теории, цель исследования сводится к анализу взаимодействия инферирования и вероятностного прогнозирования как основных техник интерпретации смысла в синхронном переводе. Инферирование представляет собой универсальный когнитивный механизм, заключающийся в извлечении и генерировании смысловых выводов на основе пресуппозиционного знания, входящего в тезаурус переводчика или почерпнутого из информационных источников в случае лагун в тезаурусных знаниях. В зависимости от того, в какой роли выступает переводчик – получателя или отправителя сообщения, мы подразделяем смысловые выводы на инференции и импликации. В устном, и особенно синхронном переводе (СП), процесс извлечения и генерирования смысловых выводов тесно связан с вероятностным прогнозированием, в свою очередь постоянно взаимодействующим с компрессией, которая может рассматриваться в качестве когнитивной составляющей СП и дискурсивной стратегии переводчика. Проблема, рассматриваемая в исследовании, – анализ многослойных смысловых опор текста исходного языка (ИЯ), позволяющих переводчику интерпретировать смысл, прибегая к вероятностному прогнозированию. В СП данный механизм основывается на инферировании и компрессии и проявляется при линейном развертывании текста во времени. При этом переводчик также часто прибегает к еще одной дискурсивной стратегии – линейности (*saucissonage/chunking*) или упреждающей сегментации. В качестве материала были взяты учебные переводы и переводы материалов отчетов о заседаниях ГА ООН. Методология исследования – сравнение, сопоставление, интроспекция, наблюдение и переводческое моделирование. Выводы подтверждают инструментальную роль вероятностного прогнозирования в интерпретации смысла в СП, а также его тесное взаимодействие с инферированием и дискурсивными стратегиями компрессии и линейности.

Ключевые слова: синхронный перевод, интерпретация смысла, инферирование, инференция, импликатура, пресуппозиция, вероятностное прогнозирование, компрессия, линейность.

Abstract: the paper explores the use of cognitive mechanisms and discursive strategies used by an interpreter in the course of the sense interpretation and its representation. The goal of the research is to discuss or even introduce new terms denoting the process of sense interpretation in the frame of cognitive-communicative theory, as well as to make an analysis of the interaction between inferencing and probabilistic forecasting as the key techniques of sense interpretation in simultaneous interpreting. Inferencing stands for the universal cognitive mechanism of translation/interpreting that boils down to generating inferences and implicatures on the basis of presuppositions. Presuppositional knowledge should be part of the interpreter's thesaurus; in case of knowledge gaps they can be filled from the informational sources. In intercultural communication the interpreter acts as a

recipient of the message in the source language (SL) and as its sender in the target language (TL). In the first case he/she generates inferences, in the second – implicatures. In interpreting, and especially in simultaneous interpreting (SI) the process of generating inferences or implicatures or inferencing is closely related to the second key cognitive mechanism – probabilistic forecasting that continuously interacts with compression regarded on the one hand as a SI cognitive mechanism and an interpreter's discursive strategy, on the other. The paper studies multilayer sense prompts in the SL text enabling an interpreter to make sense interpretation resorting to probabilistic forecasting. In SI this mechanism is based on inferencing and compression and becomes manifest in linear text roll-out. An interpreter also resorts to another discursive SI strategy, which is saucissonage or chunking. Texts for SI training and reports interpreted by professional interpreters at the UN General Assembly sessions serve as the materials for the research. The methods used in the paper are comparative method, introspection, observation and interpreting model simulation. The findings and conclusions confirm the instrumental role of probabilistic forecasting in sense interpretation in SI, as well as its close interaction with inferencing and discursive strategies of compression and saucissonage/chunking.

Kew words: simultaneous interpreting, sense interpretation, inferencing, inference, implicature, presupposition, probabilistic forecasting, compression, saucissonage/chunking.

Введение

Необходимость истолкования смысла текста исторически обусловлена желанием понимать религиозные и философские трактаты, и это привело к возникновению герменевтики как методологии такого толкования. Изучение интерпретации смысла в переводе также имеет давние традиции и связано с переводом священных текстов. Процесс понимания в герменевтике описывается при помощи метафоры «герменевтический круг», характеризующей взаимосвязь понимания и интерпретации. В это понятие входит понимание интерпретатором символичности или метафоричности смысла, т. е. его имплицитности и завуалированности. При этом и интерпретатор, и автор должны находиться в одном смысловом поле [1, с. 84]. Х.-Г. Гадамер и Р. Палмер подчеркивают нераздельную связь интерпретации и перевода, фактически ставя между ними знак равенства [2; 3]. В России теория интерпретации смысла в переводе в терминах герменевтики, семиотики и философии языка развивалась в работах таких исследователей, как А. Н. Крюков, Н. В. Иванов, Э. Н. Мишуров. А. Н. Крюков первым в отечественной теории перевода начал развивать методологические основы теории интерпретации [4; 5]. Н. И. Иванов подчеркивает деятельностный характер интерпретации, вписывающейся в коммуникативно-деятельностную или дискурсивно-коммуникативную парадигму переводческих исследований [6, с. 6]. Э. Н. Мишуров и М. Г. Новикова отмечают разнообразие подходов к изучению перевода в рамках системной-структурной, антропоцентрической, семиотической и когнитивно-дискурсивной парадигм, которые, по их мнению, можно объединить в герменевтической парадигме перевода, обеспечивающей междисциплинарный подход в изучении этого сложного явления, что отвечает современным требованиям [7, с. 143]. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что и в лингвистической парадигме переводоведения трансформацион-

ная модель перевода А. Д. Швейцера [8] и теория уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова [9] также предлагали возможности ухода от буквализмов в переводе, что на практике сводится к интерпретации смысла. Устный (последовательный и синхронный) перевод по своей природе интерпретативен, что было отмечено Н. К. Гарбовским [10, с. 213]. Данный тезис нашел свое отражение в интерпретативной теории перевода (théorie du sens) Д. Селескович и М. Ледерер [11; 12], осветивших теоретические и практические основания интерпретации смысла в универсальных переводческих моделях, а затем в синхронном переводе. Г. В. Чернов заложил основы изучения процессов когнитивной переработки информации и порождения смысловых выводов в синхронном переводе [13] в рамках коммуникативно-деятельностной парадигмы исследований, связанной с советской школой психолингвистики. Процесс порождения смысловых выводов в рамках синтагмы, высказывания и всего сообщения/текста тесно связан с процессом интерпретации смысла.

В связи с вышесказанным объектом нашего исследования является интерпретация смысла в синхронном переводе (СП), предметом – его когнитивные механизмы инферирования и вероятностного прогнозирования. Цель исследования заключается в анализе взаимодействия основных когнитивных механизмов и дискурсивных стратегий СП как основных техник интерпретации смысла в переводе. Задачи исследования вытекают из поставленной цели: 1) сравнить объем понятий терминов «интерпретация» и «инферирование»; 2) дать характеристику основных черт когнитивных механизмов инферирования и вероятностного прогнозирования; 3) дать характеристику дискурсивных стратегий компрессии и линейности; 4) описать коммуникативно-когнитивные основания их использования в речи, подкрепив практическими примерами. Материалом исследования служат учебные переводы и переводы синхрон-

ными переводчиками заседаний сессий ГА ООН. Методы исследования включают сравнительно-сопоставительный метод, интроспекцию, наблюдение и моделирование ситуации СП.

Ключевые техники передачи смысла в СП

Интерпретация vs инферирование

Термин «интерпретация», используемый в философии, герменевтике, семиотике и в других направлениях исследований языка, означает истолкование или разъяснение смысла и даже его переосмысление. Объем понятия данного термина, заимствованного теорией перевода, обладает ярко выраженной спецификой. Толкование смысла при его передаче на язык перевода (ПЯ) четко ограничивается смысловыми рамками контекста, совпадающими с интенцией автора сообщения на исходном языке (ИЯ). При этом субъективное восприятие смысла сообщения должно быть сведено к минимуму. Переводчику следует искать объективно заданные автором параметры смысла, которые проявляются и подтверждаются в линейном развертывании текста, т. е. в контексте.

Вслед за Н. В. Ивановым мы выделяем два направления интерпретации в переводе: от референции к смыслу и от смысла к референции [6, с. 81]. Выступая в роли получателя информации, переводчик движется от референции к смыслу и извлекает смысловые выводы на основе понятого им отрезка сообщения на ИЯ. При движении от смысла к референции в процессе его перевыражения-переформулирования или ревербализации¹ переводчик порождает смысловые выводы, адресованные получателю сообщения – участнику межкультурной коммуникации.

При этом структурно-семантическое своеобразие языков, вызванное различиями в языковых и концептуальных картинах мира представителей разных лингвосоциумов, оказывает большое влияние на практическую реализацию интерпретации смысла в переводе и на конкретный выбор языковых средств выражения языка перевода. Эту тему, по-прежнему остающуюся актуальной, мы уже неоднократно освещали в наших исследованиях [14, с. 104–107], поэтому в данной работе в качестве доказательства вышеуказанного тезиса мы ограничимся лишь одним примером. При переводе с английского языка подзаголовков материалов отчетов ООН *transforming for trade* на французском языке был ревербализован следующим образом: *transformer pour le commerce*, на испанском – *transformar para el comercio*, на русском – *преобразования в целях развития торговли* (ср. первоначальный вариант, который представляет собой практически

подстрочник – *трансформации экономики для торговли*). Пример, по нашему мнению, доказывает, что при переводе на русский язык для достижения эквивалентности и адекватности в переводе переводчику нужно сделать гораздо больше усилий. Чтобы прийти к окончательному варианту, переводчику пришлось преодолеть три буквализма.

В случае перевода, представляющего собой опосредованную коммуникацию, речь идет о ее трех участниках, и переводчик выступает в двух ипостасях – в роли получателя и отправителя информации на ИЯ и ПЯ. В связи с этим он должен осуществлять интерактивное выравнивание – термин С. Гаррода и М. Пикеринга, используемый ими для характеристики коллаборативности совместных действий участников одноязычной коммуникации [15]. Данный термин в вышеуказанном смысле был предложен В. И. Заботкиной для описания взаимодействия ментальных пространств, участвующих в межкультурной коммуникации, таких как универсальный культурный код, культура родного языка, культура языка перевода и возникающее в процессе интегрированное ментальное пространство, объединяющее свойства двух культур [16; 17, с. 97]. Когнитивные действия переводчика направлены на оценку несовпадений в языковых и концептуальных картинах мира отправителя сообщения на ИЯ и его получателя на ПЯ, а также оценку степени общности знаний коммуникантов и соответственно на интерактивное выравнивание таких несовпадений. Оценка несовпадений осуществляется переводчиком на основе его тезаурусных знаний, немедленно активируемых в процессе СП или пополняемых при обращении к источникам информации при подготовке к СП и в письменном переводе. При этом переводчик использует универсальный когнитивный механизм извлечения и передачи смысла в переводе, тесно связанный с интерпретацией и названный нами инферированием. Передача смысла базируется на генерировании переводчиком смысловых выводов на основе общности знаний коммуникантов. Данный механизм был подробно описан в [18], также как и история становления термина «инферирование». По своей лингвистической форме предлагаемый нами термин выражен отглагольным существительным, содержащим в русском языке семантику действия. Так как извлечение смысловых выводов представляет собой процесс, в данном термине точнее отражается суть явления. Таким образом, это более содержательная передача с английского языка понятия *inferencing*, используемого в теории перевода для характеристики когнитивных процессов переработки информации. Так, Р. Сеттон под этим термином подразумевает «выведение умозаключения на основе переработки одного или более других умозаключений (извлеченных из

¹ Данный термин, заимствованный из интерпретативной теории перевода, кажется более удачным.

разных источников)² [19, p. 179, 364]. При этом принятый в когнитивной лингвистике термин «инференция» используется нами в его втором значении, для обозначения смыслового вывода, который генерирует переводчик в качестве получателя сообщения ИЯ и при восприятии и понимании его смысла. Такое понимание должно ограничиваться смысловой интенцией автора и общим и ситуативным контекстом, в том числе широким прагматическим и узким лингвистическим. В качестве отправителя сообщения ПЯ переводчик порождает другой вид смыслового вывода – импликатуру, которая зависит от правильно понятого смыслового замысла автора, общего и ситуативного контекста, а также учитывает знания получателя сообщения.

Оценка общности знаний коммуникантов основывается на знаниях пресуппозиций, служащих основой инферирования и вероятностного прогнозирования в СП. Пресуппозиции подразделяются нами на две большие группы – референциально-языковые и экстралингвистические, или когнитивно-тезаурусные. В первую группу входят знания о несоответствиях в языковых картинах мира ИЯ и ПЯ, проявляющиеся в различиях в компонентном составе значения слов, особенностях сочетаемости и узуса, привычных способах описания ситуации, лингвоспецифики метафоричности языка и способах подачи информации с точки зрения эксплицитности/имплицитности. Кроме того, в эту группу также входит способ репрезентации связей в тексте, также характеризующийся лингвоспецифичностью. В первую группу мы условно относим и референты, или денотаты, о которых идет речь в переводимых текстах, которые фактически связывают текст с экстралингвистической ситуацией и пресуппозициями второй группы. Вторая группа когнитивно-тезаурусных пресуппозиций объединяет энциклопедические знания (о мире) и знания в конкретных предметных областях перевода. Отдельно также выделяются и знания культурных особенностей представителей лингвосоциума ИЯ и ПЯ, так как культурные реалии и даже особенности менталитета представляют в переводе особую трудность.

Генерирование правильных смысловых выводов, не противоречащих контексту сообщения ИЯ, а соответственно, и правильная интерпретация смысла может осложняться лакунами в тезаурусных знаниях переводчика в любой из вышеперечисленных областей и групп пресуппозиций, что может приводить к сбою в коммуникации между ее разноязычными участниками. В нижеследующем примере синхронного перевода выступления на заседаниях ГА ООН

² Перевод наш: “It is an act of forming an assumption by processing one or more other assumptions (derived from whatever source)”.

сбою коммуникации не произошло, но были допущены некоторые неточности.

In every region, we have pursued new, constructive ways to work with partners to advance shared interests – from elevating the Quadrilateral Security Dialogue in the Indo-Pacific and signing the Los Angeles Declaration of Migration and Protection at the Summit of the Americas, to joining a historic meeting of nine Arab leaders to work towards a more peaceful and integrated Middle East and hosting the United States-Africa Leaders Summit scheduled for December.

В каждом регионе мы стремимся к конструктивному взаимодействию с партнерами для отстаивания общих интересов: Индо-Тихоокеанский регион – Четырехстороннее сотрудничество; закон, который мы подписали на Саммите Америки о миграции; историческая встреча девяти арабских лидеров ради мира в большом Ближнем Востоке; Саммит африканских лидеров.

Приведенный пример насыщен прецизионной информацией, касающейся различных географических регионов, а прецизионная информация, впервые вводимая в текст, усложняет инферирование.

Для перевода данного отрывка сообщения переводчик должен учитывать следующие пресуппозиции из обеих вышеназванных групп:

- 1) в АТФ США ведут “Quadrilateral Security Dialogue”;
- 2) на своей территории США проводят “Summit of the Americas”;
- 3) на саммите была подписана “the Los Angeles Declaration of Migration and Protection” ;
- 4) в рамках сотрудничества с арабскими странами была проведена встреча Джо Байдена с лидерами арабских государств;
- 5) США планируют провести “the United States-Africa Leaders Summit”.

Так как форматы встреч инициированы США, а не ООН, скорее всего, не существует устоявшегося или принятого варианта перевода их названий. Тем не менее следует понимать значение данных понятий, выражающих прецизионную информацию, и подобрать в процессе СП их эквиваленты на русском языке.

При переводе данного примера наблюдаются некоторые опущения информации, приводящие к небольшим неточностям. Так, “Quadrilateral Security Dialogue” в переводе стал «Четырехсторонним сотрудничеством» (потерялось слово “Security”). “Summit of the Americas” стал просто «Саммитом Америки». Потерялась идея участия в саммите стран и Южной, и Северной Америки. Более того, неудачно выбранное место для добавления «о миграции» стало причиной неоднозначности понимания, к какому слову оно относится, «саммит» или «закон». “The Los

“Angeles Declaration of Migration and Protection” превратилась в закон. Кроме того, Саммит лидеров США и Африки был переведен как Саммит африканских лидеров.

Порождение смысловых выводов в СП

Инферирование в СП связано с вероятностным прогнозированием, что объясняется экстремальным характером данного вида перевода, прежде всего дефицитом времени. Г. В. Чернов отмечает, что вероятностное прогнозирование возможно при условии избыточности языка и речи [13, с. 130]. Избыточность переводимого текста в СП зависит от его функции и принадлежности к определенному функциональному стилю. Мы рассматриваем тексты специальной коммуникации, обслуживаемые языком для специальных целей (ЯСЦ). ЯСЦ изучается в рамках терминоведения, функциональной стилистики, лингвистики текста, дискурс-анализа и теории языковой личности. Вслед за А. А. Майбородой мы рассматриваем ЯСЦ как «социально обусловленный ситуативный вариант компетенции языковой личности, направленной на решение профессиональных задач в рамках соответствующего институционального дискурса, использующий номенклатурно и конвенционально принятые языковые средства, но также отражающий индивидуальные особенности говорящего» [20, с. 44–45]. Мы основываемся именно на данном определении ЯСЦ, так как в нем выделяется роль говорящего. В ситуации СП таким говорящим является отправитель сообщения ИЯ и переводчик, что подчеркивает деятельностный аспект перевода, исследуемого в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы.

В текстах, обслуживающих специальную коммуникацию, выделяются две основные функции – денотативная, или референциальная, заключающаяся в передаче денотативной информации, и экспрессивная, выражающая отношение говорящего к описываемому в тексте отрезку внеязыковой действительности, его оценку и эмоции. В таких текстах активно используется терминология и специальная лексика, принадлежащая к определенной предметной области, что повышает избыточность текста и сужает поле вероятностного прогнозирования. В них также используются экспрессивно нагруженные стилистические языковые средства и средства оценки, что затрудняет перевод, но при этом его возможность обусловлена самой природой когнитивных механизмов СП и использованием соответствующих дискурсивных стратегий. Кроме того, в идеале такие типы текстов характеризуются хорошей когезией и когерентностью – т. е. глубинной смысловой связностью, выражающейся на поверхностном языковом уровне логическими коннекторами, лексическими и семантическими повторами, тема-рематическим членением

предложения. Данные характеристики текста в СП – повторяемость и частотность терминологической лексики и избыточность тематических связей – позволяют передать инвариант смысла сообщения на основе развития смыслового прогноза текста. Такое развитие Г. В. Чернов называет кумулятивным динамическим анализом [13, с. 132]. В дополнение к смысловому развитию в описании денотатов, т. е. темы сообщения или предмета обсуждения в тексте, он также основывается и на других характеристиках текста:

- дейксис и другие коммуникативные параметры ситуации (участники, тема дискуссии);
- фактор оценки (передача эмоций);
- модальность.

Данные параметры, объединяющие языковую и затекстовую информацию, составляют семантико-смысловую структуру сообщения [13, с. 71–78] и связаны с функционально-прагматической составляющей текста ИЯ. И. В. Зубанова подчеркивает важность передачи смысла в переводе с учетом функционально-прагматической «рамки» текста ИЯ [21]. Эти параметры также важны и для инферирования, но особо они важны для вероятностного прогнозирования, так как именно на их основе переводчик делает свой прогноз развития смысла. При дальнейшем линейном развертывании текста данный прогноз или подтверждается, или корректируется. При этом не должно возникать смысловых компонентов, противоречащих сказанному/переведенному выше.

В нижеследующем примере переводчик не учел фактор оценки:

We celebrate 75 years of the United Nations. In the next seventy-five years, how many new conflicts will emerge? How many new refugees will flee from destruction and persecution? How many girls will attend school? How many children will be vaccinated? – Сколько возникнет новых конфликтов в следующие семьдесят пять лет? Сколько людей будут вынуждены покинуть свои дома, убегая от разрушения и преследований? Сколько появится новых беженцев? Оратор имеет в виду, что возникнет много новых конфликтов и появится много новых беженцев, что подтверждается дальнейшим развитием смысла в тексте. Переводчик снял форму вопроса, поскольку посчитал его риторическим, и перевел: *Возникнет много новых конфликтов, появится много новых беженцев.* Перевод второй части: *А много ли девочек пойдет в школу? Много ли будет детей вакцинировано?* Оратор продолжает развивать отрицательную оценку ситуации и, используя те же грамматические формы, имеет в виду, что мало девочек пойдет в школу и мало детей получат вакцины. Переводчик продолжает использовать те же грамматические формы, не учитывая фактор оценки, делает неудачный прогноз развития

смысла и совершает ошибку: *Много девочек пойдет в школу. Много детей будет вакцинировано.*

Синхронный переводчик прогнозирует развитие смысла в заданном контексте с учетом всех вышеперечисленных факторов, прибегая к инферированию и извлекая инференции и генерируя импликатуры, обращенные в будущее, т. е. он порождает смысловые выводы, еще не дослушав до конца сообщение. И в этой связи нужно упомянуть о шаге или этапе, т. е. о единице измерения, вероятностного прогнозирования, что представляет собой выделение смысловых опор в тексте, связанное с объемом прогнозируемой информации и логической структурой текста. Шаг или этап прогнозирования может осуществляться на уровне синтагмы, нескольких синтагм или части высказывания, отдельного высказывания, абзаца и всего текста. В случае использования шагов вероятностного прогнозирования до уровня отдельного высказывания оно фактически совпадает с инферированием.

Кроме того, необходимо отметить особенности проявления механизма прогнозирования в его взаимодействии с компрессией. Вопрос о том, является ли компрессия неотъемлемой когнитивной чертой СП или дискурсивной стратегией переводчика, зависящей от его выбора, остается открытым. На наш взгляд, компрессия представляет собой характеристику СП, связанную с его когнитивной природой. Стратегия как «метод выполнения переводческой задачи» [22, с. 19] предполагает возможность выбора, диктуемого спецификой коммуникативной ситуации СП. Использование компрессии зависит от направления перевода. Как мы уже упоминали выше, структурно-семантическое своеобразие языков влияет на выбор переводчиком дискурсивных стратегий и конкретных переводческих приемов. При переводе с русского языка на английский использование компрессии связано со структурно-семантическим своеобразием ИЯ и ПЯ. При переводе с иностранных языков (например, английского, испанского) на русский компрессия в большей степени обусловлена поиском смысловых опор и их передач в переводе [23]. Эксплицитный характер испанского языка и склонность к лексико-семантическим повторам упрощают возможность компрессии при переводе с испанского языка. При переводе с английского языка его имплицитный характер и нагруженность высказываний информацией, т. е. высокая информационная плотность текста ИЯ, приводит к тому, что переводчик вынужден прибегать к стратегии линейности или упреждающей сегментации (*saucissonage* или *chunking*). Экстралингвистические и ситуативные черты СП, в дополнение к лингвистическим параметрам текста, на которых основывается вероятностное прогнозирование, также приводят в действие такие

стратегии, как стратегия проб и ошибок (перебор вариантов перевода), стратегия столлинга (ожидания и паузации) [22]. Стратегия линейности или упреждающей сегментации означает, что переводчик разбивает информационно насыщенное сообщение на сегменты, отдельные пропозиции, что на уровне поверхностного синтаксиса означает использование простых предложений. Кроме того, на структурно-языковом уровне переводчик прибегает также к таким приемам модуляции смысла, как обобщение – генерализация, конкретизация, конверсия или антонимический перевод, т. е. к различного вида метонимическим переносам, а также к структурно-семантической компрессии как переводческому приему. В этом переводчику помогают знания референциально-языковых и когнитивно-тезаурусных/экстралингвистических пресуппозиций.

Взаимодействие когнитивных механизмов СП и выбираемых переводчиком дискурсивных стратегий и переводческих приемов представлено на рисунке.

Первые четыре переводческие трансформации сводятся к интерпретации инварианта смысла, пятый прием связан с лексическим или фонетическим калькированием слов, шестой – с нахождением прямых соответствий, часто представляющих собой смысловые опоры текста, выражаемые терминологической и специальной лексикой. При этом все шесть условно выделяемых групп представляют собой отражение в тексте ПЯ результатов функционирования когнитивных механизмов СП – инферирования и вероятностного прогнозирования.

Дискуссия

Логика исследования привела к осознанию необходимости проведения эксперимента для проверки в практике СП применения разных шагов прогнозирования. На наш взгляд, их применение зачастую связано с преодолением недостатка информации в самом тексте ИЯ, приводящего к непониманию³: говорящий просто опускает какую-то информацию, которую переводчику необходимо восстанавливать в целях правильной интерпретации смысла и его передачи в переводе. Кроме того, в практике СП необходимо экспериментально доказать взаимодействие его трех когнитивных механизмов – инферирования, вероятностного прогнозирования и компрессии, дискурсивных стратегий – стратегии проб и ошибок, линейности и ожидания, а также конкретных переводческих приемов, связанных с техниками интерпретации и основанных на пресуппозиционных знаниях.

Еще один важный вопрос, требующий более глубокого изучения в рамках когнитивно-коммуникатив-

³ Г. В. Чернов предлагает использовать психолингвистический термин «скважность» [13, с. 135] для характеристики такого недостатка информации.

Рисунок

ной парадигмы, связан с природой единиц СП. На наш взгляд, эти единицы не имеют устойчивого размера и представляют собой единицы смысла на уровне синтагмы и выше, что также соотносится с пресуппозиционными знаниями выделяемых нами двух групп.

Выводы

Интерпретатором смысла в ситуации перевода выступает переводчик. С одной стороны, ему нужно воздерживаться от привнесения субъективных аспектов восприятия смысла сообщения. В этом ему помогают смысловые выводы, генерируемые на основе контекста – узкого лингвистического и широкого прагматического, т. е. общих знаний о мире, служащих «когнитивным дополнением текста»⁴. С другой стороны, СП осложняется самим его экстремальным характером – дефицитом времени, скоростью речи оратора и необходимостью одновременной активации двух каналов речепроизводства – рецептивного и продуктивного. Передача смысла сообщения с ИЯ на ПЯ возможна при взаимодействии механизма генерирования смысловых выводов – инференций и импликаций, в зависимости от того, какой канал активирован – рецепции или продукции. Инферирование представляет собой универсальный переводческий механизм,

используемый во всех видах и направлениях перевода. В СП его работа на опережение или предвосхищение информации во многом состоит из вероятностного прогнозирования, тесно связанного с компрессией. Кроме того, на практике данные механизмы подкрепляются дискурсивными стратегиями проб и ошибок, ожидания и линейности. Стратегия проб и ошибок представляет собой одну из возможных реализаций в речи механизма вероятностного прогнозирования. Дискурсивная стратегия линейности тесно связана с экспликацией смысла в балансе со смысловой или структурно-языковой компрессией. Взаимодействие когнитивных механизмов и дискурсивных стратегий в СП отражает все этапы переводческого процесса – аудирование и понимание информации на ИЯ, поиск переводческих решений и ревербализация на ПЯ. Ревербализация на ПЯ обуславливается структурно-семантическим своеобразием ПЯ, что влечет за собой использование смысловой модуляции (метонимических переносов), экспликации/импликации или компрессии (в значении переводческой трансформации или приема) и логического структурирования текста, предоставляющих возможность уйти от буквализмов и компрессировать смысл. В итоге такое взаимодействие когнитивных механизмов, дискурсивных стратегий и переводческих приемов сводится к интерпретации инварианта смысла в СП.

⁴ Термин интерпретативной теории перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Academia-Центр, Медиум, 1995. 412 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод : основы философской герменевтики : пер. с нем. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
3. Palmer R. Gadamer's recent work on language and philosophy : in *Zur Phaenomenologie von Ritual und Sprache // Continental Philosophy Review*. 2000. № 33. Pp. 381–393.
4. Крюков А. Н. Перевод как интерпретация (на материале переводов с восточных языков) // Проблемы переводческой интерпретации текста в трудах российских лингвистов конца XX – начала XXI века : хрестоматия. Ереван : Лингва, 2009. С. 136–151.
5. Крюков А. Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 442 с.
6. Иванов Н. В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. М. : Международные отношения, 2018. 152 с.
7. Мишкuroв Э. Н., Новикова М. Г. Теория и методология перевода в когнитивном-герменевтическом освещении. М. : Флинта, 2020. 298 с.
8. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М. : Воен. изд-во Мин. обор. СССР, 1973. 280 с.
9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М. : ЭТС, 2002. 424 с.
10. Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
11. Seleskovitch D. Interpreting for International Conferences. Washington : Pen and Booth, 1998. 138 p.
12. Lederer M. Translation. The Interpretative Model. Manchester : St. Jerome Publishing, 2003. 239 p.
13. Чернов Г. В. Основы синхронного перевода. М. : Высшая школа, 1987. 256 с.
14. Корovкина М. Е., Семенов А. Л. Когнитивно-коммуникативные основания интерпретации в переводе // История, теория и дидактика переводческой деятельности : кол. монография / под общ. ред. Н. Н. Гавриленко. М. : Флинта, 2023. С. 90–110.
15. Garrod S., Pickering M. Why is Conversation so Easy? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 8, No. 1. Pp. 8–11.
16. Заботкина В. И. Когнитивные механизмы межкультурного диалога // Когнитивные исследования языка. М., 2020. № 2 (41). С. 76–80.
17. Заботкина В. И. В четырехмерном пространстве языка и культуры // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 94–106.
18. Корovкина М. Е., Семенов А. Л. Инферирование и функциональный подход к тексту : на материале синхронного перевода // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 2. С. 337–352.

19. Setton R. Simultaneous Interpretation : A Cognitive-Pragmatic Analysis. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1999. 397 p.

20. Майборода А. А. О содержании понятия «язык для специальных целей» в свете теории языковой личности // Современное переводоведение : материалы XXXV Междунар. филол. конф. СПб. : Филол. факультет СПбУ, 2006. С. 38–45.

21. Зубанова И. В. Функционально-прагматическая «рамка» – основа успешного осуществления устного последовательного перевода // Точка сборки, или нелегкий труд стрекозы. Статьи об устном переводе : сб. М. : Р. Валент, 2019. С. 105–115.

22. Илюхин В. М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 199 с.

23. Корovкина М. Е. Наследие Г. В. Чернова и его значение для российских и европейских исследований синхронного перевода // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2020. № 4. С. 121–135.

REFERENCES

1. Ricoeur P. The Conflict of interpretations: Essays in Hermeneutics. Moscow: Academia-Centre, Medium, 1995. 412 p.
2. Gadamer X. Truth and Method: the Fundamentals of Philosophical Hermeneutics: translated from German. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
3. Palmer R. Gadamer's recent work on language and philosophy: in *Zur Phaenomenologie von Ritual und Sprache*. In: *Continental Philosophy Review*. 2000. No. 33. Pp. 381–393.
4. Kryukov A. N. Perevod kak interpretatsiya (na materiale perevodov s vostochnykh yazykov). In: *Problemy perevodcheskoi interpretatsii teksta v trudakh rossiiskikh lingvistov kontsa XX– nachala XXI veka: khrestomatiya* [Translation as Interpretation (Based on Translation from Eastern Languages)]. In: *Problems of Text Interpretation in Translation in the late XX – early XXI Centuries' Research by the Russian Linguists*: Anthology. Yerevan: Lingua, 2009. Pp. 136–151.
5. Kriukov A. N. Metodologicheskiye osnovy interpretativnoy kontseptzii perevoda [Methodological Basis of the Interpretative Concept of Translation]: diss. ... d-ra fil. nauk. M., 1988. 442 p.
6. Ivanov N. V. Interpretatsiya v znakovoi ontologii yazyka i v perevode [Interpretation in the Semiotic Ontology of Language and Interpretation]. Moscow: ID Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. 152 p.
7. Mishkurov E. N., Novikova M. G. Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivnom-germenevticheskom osveshchenii [Cognitive-Hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology]. Moscow: Flinta, 2020. 298 p.
8. Shveitser A. D. Perevod i lingvistika [Translation and Linguistics]. Moscow: The Military Publishing House of the USSR Ministry of Defence, 1973. 280 p.

9. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. Moscow: EHTS, 2002. 424 p.
10. Garbovskii N. K. *Teoriya perevoda* [Theory of Translation]. Moscow: MGU, 2004. 544 p.
11. Seleskovitch D. *Interpreting for International Conferences*. Washington: Pen and Booth, 1998. 138 p.
12. Lederer M. *Translation. The Interpretative Model*. Manchester: St. Jerome Publishing, 2003. 239 p.
13. Chernov G. V. *Osnovy sinkhronnogo perevoda* [The Fundamentals of Simultaneous Interpretation]. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 256 p.
14. Kоровкина М. Е., Семенов А. Л. Когнитивно-коммуникативные основания интерпретации в переводе. In: *Istoriya, teoriya i didaktika perevodcheskoi deyatel'nosti. Kollektivnaya monografiya. Pod obshchei redaktsiei N. N. Gavrilenko* [Cognitive and Communicative Basis for Interpretation in Translation. In: *History, Theory and Didactics of Translation. Collective Monography. Edited by N. N. Gavrilenko*]. Moscow: Flinta, 2023. Pp. 90–110.
15. Garrod S., Pickering M. Why is Conversation so Easy? In: *Trends in Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 8, No. 1. Pp. 8–11.
16. Zobotkina V. I. Когнитивные механизмы межкультурного диалога [Cognitive Mechanisms of Intercultural Dialogue]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Moscow. 2020. No. 2 (41). Pp. 76–80.
17. Zobotkina V. I. V chetyrekhmernom prostranstve yazyka i kul'tury. In: *Kritika i semiotika* [In a Four-dimensional Space of Language and Culture. In: *Criticism and Semiotics*]. 2021. No. 1. Pp. 94–106.
18. Kоровкина М. Е., Семенов А. Л. Inferirovanie i funktsional'nyi podkhod k tekstu: na materiale sinkhronnogo perevoda [Inferencing and Functional Approach to Text: Based on Simultaneous Interpreting]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2022. Vol. 13, No. 2. Pp. 337–352.
19. Setton R. *Simultaneous Interpretation: A Cognitive-Pragmatic Analysis*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. 397 p.
20. Maiboroda A. A. O soderzhanii ponyatiya «yazyk dlya spetsial'nykh tselei» v svete teorii yazykovoi lichnosti [On the Notion of Language for Special Purposes from the Perspective of Language Personality Theory]. In: *Sovremennoe perevodovedenie: mater. XXXV mezhdunar. filol. Konf [The Current Status of Translation Theory: the proceedings of the XXXV internat. philologic. conf]*. SPb.: Philological Department of SPBU, 2006. Pp. 38–45.
21. Zubanova I. V. Funktsional'no-pragmaticheskaya «ramka» – osnova uspeshnogo osushchestvleniya ustnogo posledovatel'nogo perevoda. In: *Tochka sborki, ili nelegkii trud strekozy. Stat'i ob ustnom perevode: Sbornik* [Functional and Pragmatic Frameworks – the Basis of Successful Consecutive Interpreting. In: *The Collection of Articles “Assemblage Point or Dragonfly’s Hard Labour”*. *Articles about Interpreting*]. Moscow: R. Valent, 2019. Pp. 105–115.
22. Ilukhin V. M. Strategii v sinkhronnom perevode (na materiale anglo-russkoi i russko-angliiskoi kombinatsii perevoda) [Strategies in Simultaneous Interpreting (Based on English-Russian and Russian English Interpreting): dis. kand. filol. nauk. M., 2001. 199 p.
23. Kоровкина М. Е. Nasledie G. V. Chernova i ego znachenie dlya rossiiskii i evropeiskikh issledovaniy sinkhronnogo perevoda [G. Chernov’s Heritage and its Importance for Russian and European Studies of Simultaneous Interpreting]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. 2020. No. 4. Pp. 121–135.

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет)

Коровкина М. Е., кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка № 1
E-mail: mekorovkina@gmail.ru

Поступила в редакцию 9 января 2024 г.

Принята к публикации 26 марта 2024 г.

Для цитирования:

Коровкина М. Е. Вероятностное прогнозирование как инструмент интерпретации смысла в синхронном переводе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/2/56-64>

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Korovkina M. Ye., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Language Department № 1
E-mail: mekorovkina@gmail.ru

Received: 09 January 2024

Accepted: 26 March 2024

For citation:

Korovkina M. Ye. Probabilistic forecasting as a sense interpretation tool in simultaneous interpreting. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024. No. 2. Pp. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/2/56-64>